

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

НИОТКУДА, КАК ЧУДО, ПРИХОДЯТ СЛОВА...

* * *

Снежинки и льдинки налипли на мех.
Что смотришь во тьму и молчишь?
То синий, то алый проносится снег
Над жестью завьюженных крыш.

Деревья в заснеженных нимбах стоят
То синих, то огненных крон,
И стаи во двориках старых галдят
То синих, то алых ворон.

И Бог, говорящий на всех языках
И светом сходящий сюда,
То цветом поет в леденеющих тьмах,
То запахом яблок и льда.

Уютен и тих небольшой городок,
И мысли, как тучи, низки.
Нам замыслов дерзкое пенье не впрок,
И подвигов жар не с руки.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг "Золотые шары", "Птицы в городе" и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Нам нравится таксу гулять и вязать,
Под лампою старой склонясь.
Немного любить и немного страдать,
В душе не дерзая на страсть.

Ведь быт с бытием перепутавший прах
Чуждается мудрых словес.
Но что там сияет в метелях и льдах
С горячих высоких небес?

Не ангел ли вьюги? Не Бог ли зимы?
Застигнув врасплох и всерьез,
Нахлынет сияньем из снега и тьмы —
И осветит душу до звезд...

* * *

Желтоглазый, тысячеочитый,
Полный трав и белого огня,
С косарями брошенной орбиты
Луг в ромашках смотрит на меня.

Сонмом глаз восходят в травах звезды.
Тьмой живых цветов неопалим,
В сотни рос рождая дух и воздух,
Луг горит, как белый Херувим.

Засмеюсь, чтоб солнцем из тумана
Засветили детские мечты,
Чтоб росой по рюшам сарафана
Исхлестали мокрые цветы.

Чтоб шмели клубились по орбитам,
И жуки в пыльце цветочных строк
Изгудели дебри дней сердито,
Излетали сердце поперек.

Рухну в травы родины высокой.
Друг мой, сердце, дай на все ответ!
На судьбу взгляну тысячеоко,
И увижу — только белый свет.

* * *

В неприметности русских пейзажей —
Трепет тайны с избытком души.
Грач програет и тополь расскажет,
Как неброские дали свежи.

Приглушенные краски и тени
Старых улочек в шелестах ив.
Нежеланье с оттенком смущенья
Попадаться в чужой объектив.

От прохожих чужих отвернется
С голубою резьбою крыльцо.
Кот метнется, голубка взовьется,
Бабка долу опустит лицо.

Так чисты и просты эти души,
Не грешившие сроду поднесь,
Что и взглядом возможно разрушить
Жизнь, смиренно текущую здесь.

Вон церквушка, сбегая со склона,
Отразясь в облаках над рекой,
Как девчонка, зарделась смущенно
И, стесняясь, закрылась рукой.

И смутясь простоты и смиренья,
Что сияют свечами внутри,
Затаившись, глядит из сиреней:
— Нет, нельзя, не смотри, не смотри!

* * *

За каплю веры — вечный свет в окне —
Грозится век десницею своей.
Я все отдам, но дело не в цене.
Служу Любви, как лучшей из идей.

Ведь русский ищет смысл и просто жить
Не может в мире горя и утрат.
— О, кто ему поведает, как быть?
— Живи, как все!

— Да он бы, в общем, рад...

Не то что дом — страна и мир вверх дном,
Но выше хлеба Духа высота.
Ведь разве можно думать о другом,
Когда распяли нашего Христа!

И русский (что творится в голове!)
Жизнь брENNую идее вслед влечет.
Кричит Европа: “Он в своем уме?”
А Достоевский шепчет: “Идиот...”

Страну поправ, разрушив жизнь свою,
Ждет участи у трех кривых дорог.
Сидит в пустыне мира, как в раю,
И говорит: так лучше виден Бог!

ДВА СОЛОВЬЯ

Как посвистнет разбойно, да как запоет
Соловьиного леса Варавва,
Только огненный пепел, взрываясь, плывет
На долину от черной дубравы.

Вражьим стягом клубится кровавый закат.
Окаянную песней заклЯты,
Танки в безднах ревут, черти в прорвах хрипят,
В жерлах времени рушатся хаты.

Но приходит на землю великий покой,
А с покоем — ночная отрада:
Над землей соловей запекает другой
Из цветущего белого сада.

Золотая сияет сквозь ветви луна.
По округе ни лая, ни стука.
На воронки и гари плывет тишина,
Отделяясь от вещеого звука.

Ниоткуда, как чудо, приходят слова.
И от песни любви неустанной
На руинах усадеб восходит трава,
Заживают кровавые раны.

Я сама благодатною трелью жива —
Соловиною Божьею тайной.
Запиши мне на память простые слова
Этой песни, святой и печальной.

* * *

Все меньше их, детей русоволосых,
В дыму высоток, тонущих во мгле.
Все меньше русских роковых вопросов
О вечном смысле жизни на земле.

Других племен беспечный отпрыск сытый
Посмотрит вскользь, толковник сжав в руке:
О, что за надпись на могильных плитах
На русском позабытом языке?

Гниют на свалках золотые книги,
Которые лишь ветер и прочтет.
Влачит судьбу по свету, как вериги,
Писатель, переживший свой народ.

Он знал еще и Пушкина, и Блока,
А нынче вечно молвит не о том:
От русских знаний слишком одиноко
Без меры пить во времени чужом.

Не жаль ему ни дней с налетом тлена,
Ни старых песен вольную печаль.
Лишь Божьих слов, плененных во вселенной
Чужих наречий — как России, жаль.

* * *

Пишу — рукавицей по снегу в Мадрид и Париж
Из тьмутаракани в сосульках, свисающих с крыш!

Смеется Урюпинск, Смоленску поет Чухлома,
И снова антоновкой русская пахнет зима!

Сугробы и звезды — в сумбуре родящихся строк!
Осмыслить не поздно, в какой ты попал уголок!

Хлеб с коркой хрустящей приснился в снегах воробью.
Соседке Маринке — морозное слово “люблю”.

Матренушке бабке — в сияющих розах платок.
Ивану деду — снежный шелест евангельских строк.

Проснулся алкаш на сугробной перине зимы —
Поведал мальчишкам свои межпланетные сны.

Он вещий поэт, но не надо мирской суеты!
Он с миром на “ты” и с великой Вселенной на “ты”.

Не членством в Союзе дивил он свой лазерный век.
В бутылке — три музы. Над музами — вечность и снег.

Сольются в колодце в одно “никогда” и “всегда”.
А вечность не сложишь, как ты ни мудри, изо льда.

Что ж, вечность не сложишь, так вечно невечным живи!
Ты вечность не сложишь, но сложишь признание в любви!

К спящему миру с пивнушкой “Заря” у пруда,
Летающему в бездне — мальчишкам известно, куда!

Где звезды смеются и розами заткан Покров,
И ловят антенны известия дальних миров.